

A. СЕРГЕЕВ

СПАСИБО!— ГОВОРЮ

Алексей Сергеев

СПАСИБО!—
ГОВОРЮ

С Т И Х И

1991, г. Березовский

Владимир
Денисович -
Корочеву Сеновну -
А.С.С.

1/5-912.

Учитель по профессии, Алексей Николаевич Сергеев еще в детстве приобщился к поэзии. Когда учился в институте, печатался в многотиражке. Очень много стихов и песен доходит до читателя со страниц Березовской городской газеты. О песнях особый разговор. А. Н. Сергеев знает не только музыку стиха, но и гармонию звуков, в совершенстве разбираясь в них и создавая собственные музыкальные произведения.

Ознакомившись со стихами этого сборника, читатель убедится в том, что душа Алексея Николаевича просторна и очень добра. Такая душа не может быть закрыта для любви. И эта любовь нашла себе достойное место в его сердце и его стихах.

У поэта собственный взгляд на вещи. Его произведения отмечены особой меткой русской лиричности, и этим они отличаются от стихов других поэтов.

Прочти, читатель, находящийся в твоих руках небольшой сборник, и ты убедишься в правоте сказанного.

В. ЧВРО.

ИЗДАНО ЗА СЧЕТ СРЕДСТВ АВТОРА.

**БЕРЕЗОВСКОЕ
ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
«МОЙ ГОРОД»**

С 0 — 91
М 145/03/ -- 91

БЕССОННИЦА

Лебедушками плыли ночки,
В рассвете тая золотом.
— Не спамши, как работать, дочка?
— Ой, мама, высплюсь я потом!

Дочь вышла замуж, — мужу рада.
Дышал он ею, как цветком.
А мед с желанных губ так сладок!
Какой там сон, — потом, потом!

И раззвенелись крошки-дети.
Не углядишь — сплошной садом.
Всех накормить, отправить, встретить..
Дня не хватает. Спать — потом.

Да, разлетелись.

В доме пусто

Пожар зари давно угас.

Луна в окошко смотрит грустно.

— Что, мать, не спишь?

— Сейчас, сейчас.

* * *

Стоит девушка за прилавком,
В работе — сущий виртуоз.
Ни перебранки нет, ни давки,
Хотя и «вкусный» был привоз.
Но я дивуюсь почему-то
Не мастерством, а добротой.
Всем угодить, наверно, трудно,
Как обойтись, к примеру, с той
Наипревреднейшей толстушкой?
— Отрежь! Отбрось! Добавь чуть-чуть!
И чтоб красиво, как игрушку,
Ее покупку завернуть.
А с тем—на «вы»: он хмур, невесел.
Той улыбайся от души.
Кому — совет. А этой взвесить
Быстрее, чем выстрелить, спеши.
Лишь щегольку (видать, не здешний),
Что перегнулся за весы,
Она (нечаянно, конечно),
Сметаной смазала усы.
У магазина бабка бабкам
Не о покупке говорит,
О девушке, что за прилавком
Такая милая стоит.

ССОРА

За окном — такая канитель!
А у нас — такая незадача!
Мы молчим с тобою целый день,
Чуть не плача.
Будто кошка черная прошла
В пасмурное утро между нами,
Скрежетом слышна
Эта тишина.
Камень — в камень.
А порою солнечно-тепло,
Ароматно-тихо за оконцем.
Но не согревает сквозь стекло
Нас то солнце.
Словно ядовитая трава,
А под нею злобная берлога —
Все твои слова
И мои слова.
Слов так много!
..Но Земля крутится под Луной.
Я забыл, и ты уже забыла,
Мы с тобой —одно.
Ну, а то—давно
Что же было?

ДЕЛО О РАЗВОДЕ

Не стул меж ними, а провал.
Завидовал я им и сглазил.
Ведь он когда-то прямо в классе
При всех ее поцеловал.
И не к судье, ко мне в беде,
Как у доски,—мол, подскажите:
Для них я до сих пор учитель,
Не заседатель на суде.
А я растерянно молчу
Как им помочь по-человечьи?
Набравшись слов, с большою речью
К ним обратиться я хочу.
Но муж взглянул: да сбавьте прыть!
За что, про что его ругаю?
— Мне встретилась любовь другая.
А вы учили честным быть.
Стакан всды сглотнув до дна,
Жена пролепетала мило:
— Его я вовсе не любила.
А сына выращу одна.
Все! Лопнула со звоном нить,
Отдавшись в сердце болью нервной.
По поведению «примерно»
Им ставил я.
Кого судить?

* * *

Умерла у соседа жена.
Старушонки судачат слезливо,
У подъезда собравшись:

— Она

С ним всю жизнь прожила счастливо:

— Потому как была хороша.

— Не в пример он другим мужчина.

— Так он ею одною дышал.

А старшая из них заключила:

— Трудно будет таперь мужику.

Хто накормит его, обстирает?

Потому-то на нашем веку

Жен моложе себя избирали.

Али вместе помрут, али он.

Баба сдюжит и справно схоронит.

Верный в жизки держался закон.

Так ить нет, избирать стали ровню.

Все излили старушки до дна

И умолкли с печалью во взоре.

Умерла у соседа жена.

Не помочь его горькому горю.

И ВОЗВРАЩАЕТСЯ ЛЮБОВЬ

Где блуждала ты, любовь моя,
По каким завьюженным дорогам?
Как же ты нашла, любовь моя,
Вновь тропинку к нашему порогу?

И неем покрылась голова.
Пролегли усталости морщины.
А какой весеннею была!
Как кружила головы мужчинам!

Даже темной ночью, словно днем,
Все светилось от улыбки милой.
Но зачем же адовым огнем
Мое сердце больно опалила?

Ту весну засыпали снега.
И о ней давно я не жалею.
Руки мне подай, в своих руках.
Как бывало прежде, отогрею.

Брату Виталию

В детстве мамы нам, браток, на грудь не вешали
От беды лихой охранный талисман.
Нас крутила жизнь по-разному, но бешено.
И по-разному везло с тобою нам.
Там, где нужно бы упасть мне, непутевому,
Падал ты, — я лишь тревожный делал вздох.
И встречались почему-то ночью темною
Мне любимые, тебе же — не дай, бог!

Налегке прошелся я весенней улицей.
Смерти вдоволь насмотрелся ты в глаза.
Где могу я только пасмурно нахмуриться,
По твоей щеке уж катится слеза.
Лишь возьму баян — обида позабудется
И утихнет боль, стучавшая в висках.
Но того гляди, безвыходно заблудится
В твоём сердце неумная тоска.

Заметает годы зимушка метельная.
Мы живем — и тихо радуется мать.
Жаль одно, что наша жизнь не беспредельная
И не можем снова мы ее начать.
Да и кто же что предвидит в скачке бешеной?
Друг с тобою рядом или лихоман?
Все равно никто на грудь нам не повешает
От беды лихой охранный талисман.

* * *

Где воля только в небе синем
И стриженных голов не счесть,
Поэтов местных пригласили,
Чтоб там свои стихи прочесть.
Аплодисменты да с придатком —
Изделья здешних мастеров.
А мне с волнением тетрадку
Дал парень собственных стихов.
Чего она не повидала,
Каких невзгод и передрыг?!
Но, пожелтевшая с годами,
Заполнена не кое-как:
Без запятых, но аккуратно,
Строка подогнана к строке,
Как по ранжиру, поэтапно
Все — про любовь, и все — в тоске,
Порой в безвыходном отчаянье.
И если все же промелькнет
В стихотворении случайно
Преступной дерзости налет,
Стих плещет к девушке любовью,
Как из-под льдины полынья,
Рифмуясь с «рассеченной бровью»
(Из-за нее, как понял я).
Не знаю, помогу ль советом?
Пусть славит чувства паренек!
Его б освободил за это,
Чтоб встретить девушку ту мог.

Есть у меня два верных друга —
Кобель Дозор и Алька кот.
Идем по жизненному кругу
Уже какой, не помню, год.

Я по годам намного старше,
Но в храбрости им не ровня.
Презлейший враг для них не страшен,
А недруг страшен для меня.

А. Гержидовичу

Опять исчез, дружище мой.
Рюкзак потерханный за плечи —
И в путь, в тайгу — к себе домой.
И заменить тебя здесь нечем.
До блеска выбриты, горды
Собой приятели и делом.
Твоей пихтовой бороды
Мне не хватает обалдело,
Трескучих и горячих слов,
Как кострового полыханья.
До слез заслушаться готов
Смолисто-терпкими стихами,
Увидеть зверя на бегу
И выстрел синевой сквозь веки...
Но ты ушел в свою тайгу,
И заменить тебя здесь некем.

ГОРОДСКОЙ КЕДР

Былой тайги беззвучным эхом
Стоит зеленый богатырь.
Бульдозерист его объехал,
Вокруг все взрыв до наготы.
И кедр живет, знать, нужный людям.
Ветвями раздается в ширь.
По зорям птичий свист не будит —
Сон нарушает гул машин.
И не родятся шишки-детки
(А был когда-то плодовит),
Зверьки не прыгают по веткам,
А дятел кору не долбит.
Кедр будто не подвержен тленью.
Но радость в нем или печаль?
Кто чуть не плачет в умиленьи.
А мне его до боли жаль.

ПЕРЕД ГРОЗОЙ

Духота.

Изнывала собака.

Слюнно дергался длинный язык.

А хозяин в бородку побрякал:

«Знать, гроза будет ночью, старик», —

И ушел под надежную крышу.

Не запустит, хоть вой, хоть не вой.

Ухо чуткое рокоты слышит

Зачерневшей волны грозовой.

В отдаленьи все чаще и чаще

Небо мутное всполохи жгут.

Зашумела испуганно чаща.

Ну, хотя б обветшалый закут!

Пес не ведает трусости зайца.

Даже в самой кромешной ночи

С лютым зверем готов он сражаться,

Но не с этим, что с неба рычит.

И в отчаяньи встал он навстречу

Ветру душному, хмурия глаза,

И с тоскою, почти человечесьей,

Ждал, как молнией хрястнет гроза.

ЛЕСНАЯ ИЗБУШКА

Лесная избушка.

Распахнуты двери.
Входите гостями, и люди, и звери!
Кедровых орехов, сухариков хрустких
Оставил хозяин.

Гитара чуть в грусти
На стенке тесовой умельца заждалась.
Альбом, чтоб веселое что-то писалось.
И вот они, парни, — легки на помине —
И, в джинсы затянуты, девицы с ними.
Усталость за ворота потом струится.
Заохали от рюкзаков половицы.
Звенькнула гитара.

Но, кнопкою щелкнув,
Увесистый «маг» загундел без умолку.
К ночи, не умея вздуть лампу, под свечи
Задержались, взвыли не по-человечьи.
А утром открывать такая потеха —
Стрельба по мишеням с отрывкою смеха:
В дулянку — зверушка помчал ошалело, —
В ведро и в пилу, чтобы жалобно пела...
Ушли.
Сглухнул хохот в еловых макушках.
И всхлипнула дверью лесная избушка.

СТАРЫЙ КОТЕЛОК

Варил, как умел,
Кипел, сколько мог, —
И вот не у дел —
В углу котелок.
Как будто не он,
Сжигая бока,
В тот лютый мороз
Спасал паренька.
Как будто не с ним
(Походы скупы)
Похлебку мудрил
Из ложки крупы.
Как можно забыть?
Побойся греха! —
В обнимку друзья;
Тройная уха;
И крепкого чая
Таежный дурман;
И песни, как искры;
И он — атаман!..
Я знаю: купил

**Мой старый дружок
С серебряным блеском
Другой котелок.
А этот — в металл?
(Печальный рассказ).
Спрошу, чтоб отдал.
Боюсь, не отдаст.**

СПАСИБО ТАЙГЕ

Спасибо говорю тайге за сочность ягод
И за пахучесть трав, что в росную зарю
Под острый свист косы в валки тугие лягут.
За все дары тайге спасибо говорю.

А кедр у поклонюсь, его судьбе завидной.
Он на орехи щедр, и солнце знал, и гром.
Поэт свои стихи шептал здесь, как молитву.
А дурень, хоть грозил, не тяпнул топором.

О, кедр вековой, в добре неистощимый,
Когда я не приду к исходу летних дней,
Прощально раскачнись разлапистой вершиной,
«Спасибо» прошуми за все тайге моей.

МУЗЫКА ОСЕНИ

Уже не греют хрупкие лучи,
Но в воздухе звенят они хрустально.
Оркестра нет, а музыка звучит.
Звенит струна над просветленной далью.

Печальный вокализ плывет с холма к лесам,
И вторит лес бубенчатой листвою.
И соло трубача вызывает к небесам.
И все вокруг звучит, покуда все живое.

Х Л Е Б

Да, видел я, как хлеб едят,
Один лишь хлеб, не что-то с хлебом
Гляжу в безоблачное небо —
Там детства голуби летят.
Под этим небом и тогда
Мы жили в серой двухэтажке.
Как женщины кричали страшно,
Когда в листочках шла беда.

Соседка-бабушка сперва —
Тож в голос, сыну глядя плечи.
Ему обнять родную нечем:
В ремне — пустые рукава.
К жене солдат не шел никак.
Старушка умоляла очень.
А он одно:

— Пускай сыночек

Придет...

А к ней?

Я не дурак.

Я не сошел еще с ума.

Да-а, был когда-то на все руки!

Его лицо кривили муки.

Глядим — жена бежит сама.

За ней — Ванюшка со всех ног.

Солдат — к нему, ее не видит.

Жена зажала рот в обиде.

А он в слезах:

— Сынок! Сынок! .

Вдруг рукава из-за ремня —

Она рывком.

Сует в них руки.

Сомкнулося кольцо подруги.

Целует, будто вся звеня:

— Степан! Родной! Да мы ж вдвоем!

Вот наши руки! Разве мало?!

От них спровадили нас мамы.

Стоим в подъезде, Ваню ждем.

Мы видели исподтишка,

Как бабушка, повеселевши,

Выкладывала сына вещи

И черный хлеб из вещмешка.

Успеть бы крикнуть «сорок семь»,

Чтоб Ваня хлебом поделился.

А он ни чуть не загордился

И хлеба поровну дал всем,

По несколько зачерствых грамм,

Но был тот хлебец жмыха слаще.

Эх, если бы с войны почаще

Патани возвращались к нам!

— Деда, деда, дедушка!

Донимает внучек.

И для деды-дедушки

Никого нет лучше,

Никого дороже,

Как внучок-звоночек.

Просится остаться:

Он домой не хочет.

Будут самолетики,

Будет бой воздушный.

Любит деду-дедушку

Про войну послушать.

Но зачем заплакал вдруг

(Кто обидел деду?),

Когда стал расспрашивать

Про его победу.

— Деда, деда, дедушка,

Нам никто не страшен!

— Да, внучок, победушка

Не моя, а наша!

Д Е В Ч У Ш К А

Она такое отмочить вам может,
Девчушка эта с нашего двора,
Расскажет, что когда была моложа.
Ее в капусте мама родила.

Однажды срифмовала преспокойно:
— Вино — оно, когда до дна — вина.

Колбочка впилась — закричала:
— Кольно!

(Ну, потому что колется она).

А на прогулке тоненькой рукою
От солнышка упрятала глаза,
Пролепетала:

— Светлышко какое! —

И звонко рассмеялась егоза.

ОГОРЧЕНИЕ

Знал я их такими маленькими!
Знал такими их хорошими!
Между папиными валенками
Все катались, как горошины;
В рот тянули с пола крошечки;
Без котеночка не спали.
Подрастали понемножечку.
Отчего такими стали,
Что, наверно, только врединами
Знают их, спасаясь, кошки;
Даже булки недоеденные
Топчут в пыль, не то что крошки.
Плачут девочки обиженные:
Дым в лицо им папиросный...
У отца — душа, как выжженная;
Грозным стал, пока не поздно.
Знал я их такими маленькими!

ДВЕНАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ В ГОДУ

СНЕГ

Снег, снег, снег...

С неба ночного —

снег.

В снежном круженье, как в сказочном сне,
Будто в первый раз,

проторяем след.

Горьких слов и глаз

не было и нет.

А там,

вдали,

кони кого-то ждут.

Их белые гривы метели метут.

Кони не для всех,

только для двоих.

И смеется снег

на щеках твоих.

Снег, снег, снег...

Вот и улегся снег

В ветках-кроватках

на сонной сосне.

Теплый, добрый снег.

Тихий, милый смех.

Повторись еще!

Снег,

снег,

снег.

ФЕВРАЛЬСКИЙ ВЕТЕР

Задиристым буяном
Ворвется впопыхах
И тысячью баянов
Гудит во все меха.

То в грудь пихнет с разбега
Дурашливый силач,
То забросает снегом, —
Прохожему хоть плачь.

Но с озорною силой,
Когда другим беда,
В лихом мне детстве было
Так весело всегда!

Спасибо, шалый ветер!
Буяном до сих пор,
Как ты, живу на свете
Тиши наперекор.

В МАРТЕ

Какая тяжесть плечи давит?
(Случается за пятьдесят).
А март подарки щедро дарит:
Сосульки хрусталем висят,
Звенит капель, цветут веснушки...
Да почему ж в бессонной мгле —
Как будто камни под подушкой
И что-то хмурое в окне?
Лишь утро ярким солнцем брызнет.
И ветер, влагой налитой,
Развеет пасмурные мысли,
Как прежде, распахнет пальто.

СКВОРЕЦ

**На скворечник вырулил он с неба
И залился песней удалой.
Где он, черномазый, только не был,
А вернулся все-таки домой.
И в подарок, ведая, что любо,
Много, много нам принес тепла.
Скинула Земля, согревшись, шубу.
Вешняя водица потекла,
Побежала, брызгая с размаха.
Все взбурлилось, радуясь судьбе.
Здравствуй, здравствуй, солнечная птаха,
Пой на счастье людям и себе!**

П О Л Я Н К А

Я не рвал твоих цветов,
Полянка моя рыжая.
Но сейчас измять готов
Всю тебя, бесстыжую.

Разве можно в склоне дня
Так цвести — заманивать?
Знать, решила сжечь меня
В огоньковом пламени.

Опьяненный (как в бреду)
Красотою броскою,
Я к ромашке припаду,
К той, что под березкою

Не слышна и не видна,
Шепчется с сестричками.
Теплой нежности полна —
Солнышко с ресничками.

НА РЫБАЛКЕ

Рассветом наполнялся горизонт.
На водной глади ни одной морщинки.
Туман лениво плавал по лощинке.
В безмолвии тянуло в липкий сон.
Как часовой, маячил поплавок.
Но вот сверкнула капля солнца в чашу —
И вспыхнула тотчас вершина чащи,
И полился лазоревый поток.
Пошли круги игриво по воде.
Рыбак бывалый тут во всеоружьи.
Все ближе к лодке мой карасик кружит.
Счастливым миг — и вот он на уде.
Но у него другой крючок в губе.
В глазах дрожит предсмертная надежда.
(Кто говорит про рыбий взгляд — невежа).
Впервые стало мне не по себе.
...А мы, из племени полубогов,
Не рвем, крича от боли, козней снасти?
Я вытащил крючки.

Не веря в счастье,
Он замер, поднырнул — и был таков...
Всплывало солнце к выси голубой.
Свистели лески. Трепыхалась рыба.
Лишь я из этого азарта выбыл.
А разве не случилось так с тобой?

В И Ю Л Е

По земле полыхала жара,
Всеми проклятая, неподсудная.
Дочерна изожглась детвора.
А хлеба зажелтелися, скудные.
Но однажды в безветренный день
Тучка малая замесилась,
Прогремела разок через лень
И примолкла, как будто смутилась,
Как задумалась: вроде, могу;
Зачернелась, нутужилась, грянула —
Аж прохожий согнулся в дугу
И машина в кювет чуть не прынула.
Я могу. Я могу! Я могу!!!
Засверкала слепящими искрами.
Я зачем-то под дождик бегу
И молюсь, как крестьянин исстари.
Я могу! Я могу!

Я могу

Напоить эту землю иссохшую,
И хлеба, и траву на лугу,
И былиночку, к солнцу проросшую.
Крепкой вырасти ей помогу.
Пусть пахучим цветением радует!
Все до капли отдам и зажгу
Над землею красивую радугу.

МАМИН ОГОРОД

Давно я не бывал в родных краях
И вот явился без предупреждения
(Как появляются сегодня сыновья)
На праздник, мама, твой, на день рождения.
Умильная, зачем же ты в слезах,
Зачем засуетилась по-старушечьи?
Не в дом ведешь, а сразу через сад
В свой огород, красивый, как игрушечный.
Ну как могла ты в эти-то года
Такое чудо сотворить из зелени?!
И бога прославляя, как всегда,
Твердишь, что дал он дождичек ко времени.
Какой там бог, какой там к черту дождь?!
И не на даче, где вода—из леечки.
Сколь на плечах натруженных несешь!
Обполеешь каждый стебелек умеючи.
И как же в шляпу все мне хочешь скласть?
«Нарви бобов да набери горошка,
Морковкой похрусти, — такая сласть!
А вот огурчик, глянь, какой хорошенький!»
...Подсолнухов нарвем и до утра
Под разговоры семечки полужгаем.

Мила мне изобилия пора
За щедрость, мама,
 за твою,
 за русскую.

ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ

Отсияло солнышком ласковое лето,
Пробежало, звонкое, девочкой босой.
Русское раздолье, в золото одето,
Тихо призадумалось над своей красотой.

Уж не плещет поле хлебными волнами.
Только мерный рокот где-то на току.
Да ручей в овраге моет голый камень,
Моет — навеваает тихую тоску,

Думы навеваает, добрые, родные,
С лодочкой-листочком унося, как сны.
Эх, любовь-березка, для меня ты ныне
Краше и дороже, чем порыв весны!

Если любишь очень, дай мне свою руку.
Слышишь? — не надышится жадная земля.
Мы с тобой в молчаньи скажем все друг другу.
Пусть над нами листья падают звеня.

Клин лишь журавлиный криком тишь нарушит.
Солнышко из лужи ослепит глаза.
И раздольной песней нам наполнит души
Осень золотая — русская краса.

О С Е Н Н Е Е

Нет радости, но и печали нет.
Летит снежок — зимы предвестник.
По кустарю, по мелколесью
Небыстрый оставляю след.
В разгаре день.
Но сонный полусвет
Все голоса лесные глушит.
Лишь сам себе скрипит, простужен,
Дремучий ствол, как старый дед.
И я бреду, не ведая страстей.
Но вдруг скольжу на дно оврага.
А там зайчишка под корягой
Хоронится, не ждет гостей.
Мою улыбку где ему понять?
Подброшенный задорным свистом,
Умчался заяц, да так быстро,
Как не был здесь.

И тишь опять.

* * *

Всю ночь кружилось небо
В работе непрстой:
Накрыло землю снегом,
Как свадебной фатой.

Счастливою девицей
Земля глядит с утра.
Дивится и резвится
Весь люд, что детвора.

...И вспомнилось из детства,
Как мать, трудясь в поту,
На праздники одеться,
Как в белую фату,
Могла.

И ни морщинки.
Лукавинка слегка.
Смешинки, как снежинки,
Искрились на щеках.

ПОД НОВЫЙ ГОД

Трещит мороз по кедрачу,
Лютует спозаранку.

А я назло ему качу,
Ищу свою полянку.
И вот она.

От ветров злых
Укрыта снежным кровом.
И пихты в шлемах снеговых
Хранят ее сурово.
Располыхну костер большой.
Оттаем хоть немного:
Она — от снега,

Я — душой.

И снова —

в путь-дорогу.

ИЗ БЛОКНОТА

Пишу, как дышу,
Просто, что вижу.
Черный? «черный» — скажу.
Если рыжий, то рыжий.
Слов не вью завиток,
Не витаю я в грезах.
Но зачем на листок
Тихо каплют слезы?

СЧАСТЛИВЫЙ МУЖЧИНА

Счастливым кто? — вопрос извечный.
Судьбою неискалеченный?
Герой, в боях не побежденный?
В костре не переубежденный?
Детьми на старости хранимый? —
Влюбленный, женщиной любимый.

ЧТО ТАКОЕ ЛЮБОВЬ

Неотвратима и случайна
Хрупка — как цепь, нерасторжима.
Природы пламенная тайна.
То, что уму непостижимо.

* * *

Листок огнем охвачен со стихами.
Не знает алчущее пламя,
Что было в нем.
И никуда листку не деться:
Огонь жесток.
Сгорело любящее сердце,
А не листок.

* * *

О!

Сколько

в тебе

обещано,

Беременная женщина!

* * *

Благодарю!

Благодарю
Людей — за дружбу,
Солнце — за зарю,
Вселенную — за таинство
И за рождение — Мать!

* * *

Болезнь, как перевоплощение:
Здоровый — юн, а болен — дед;
Иль как отъезд, но с возвращеньем
В прекрасный мир.

Ну, что ж, привет!

* * *

Стали грубыми руки-трудяги.
Уж не пляшут по клавишам пальцы.
И баян не играет, как раньше,
Не поет разливанно: года...
Мое тихое, робкое сердце,
Умоляю, с годами не старься.
Отдохни, если очень устало;
Но, прошу, не грубей никогда.

НЕСОРВАННАЯ ЯГОДКА

Кто одну оставил непогодине,
Взяв других, ее не углядел.
Перезрелой ягодки-смородины
До чего же горестный удел!

* * *

В такие минуты является многое.
Кот умирает у ног моих.
Глазами мне все сказал.
...Это наша тайна.

* * *

Все относительным найдешь,
И так, и эдак жизнь листая.
Всегда лишь ложью будет ложь.
Но есть, однако, ложь святая.

Х У Д О Ж Н И К У

Что рождает радугу на небе? —
Дождь и солнце (в них вода и пламень),
Чей веселый и суровый жребий —
Отдаваться.

А не так ли с нами?

* * *

Признался я: сложить бы песню,
И большего желанья нет.
А друг в ответ: прожить бы честно!
И понял я, что ОН поэт.

* * *

Воскреси! Что было, воскреси!
Или унеси туда, где было,
Где она любила легкокрыло.
Изломай всего,
но воскреси!

За все грехи
да буду я прощен
За то,
что этой жизнью
восхищен.

* * *

Все рождается так долго,
Исчезает так мгновенно.
Но одно есть неизменно
Общее у двух границ —
У конца и у начала —
Боль, еще точнее — муки.
Но рождение являет
Радость радужных надежд.
Смерть же...

С ней не согласившись,
Я уйду в часы рассвета,
Терпеливо сжавши зубы,
Помня: я же — человек.

Ну, а стих, мой стих, рожденный,
Как и все, в желанных муках
От любви моей безмерной, —
Как же он?..

Прости, прости.

СОДЕРЖАНИЕ

Весеннее письмо	5
Бессонница	7
«Стоит девчонка за прилавком»	8
«Везут ребятишек на саночках»	9
Ссора	10
Дело о разводе	11
«Умерла у соседа жена»	12
И возвращается любовь	13
Брату Виталию	14
«Где воля только в небе синем»	15
«Есть у меня два верных друга»	16
«Опять исчез, дружище мой»	17
Городской кедр	18
Перед грозой	19
Лесная избушка	20
Старый котелок	21
Спасибо тайге	23
Музыка осени	24
Хлеб	25
«Деда, деда, дедушка!»	27
Девчушка	28
Огорчение	29
Двенадцать месяцев в году. Снег	30
Февральский ветер	32
В марте	33
Скворец	34
Полянка	35

На рыбалке	36
В июле	37
Мамин огород	38
Золотая осень	39
Осеннее	40
«Всю ночь кружилось небо»	41
Под Новый год	42
Из блокнота	43
Что такое любовь	44
«Благодарю!»	45
«Как вкусен огурец»	46
Несорванная ягодка	47
Художнику	48
«За все грехи да буду я прощен»	49
«Еще рождается так долго...»	50

Алексей Николаевич Сергеев
СПАСИБО!—ГОВОРЮ

Стихи

Редактор **В. Д. Чворо.**

Технический редактор **И. К. Хисамбиев.**

Корректор **Т. Ф. Уланова.**

Сдано в набор 28.02.91 г. Подписано к печати 8.04.91 г.

Формат 60×84 1/32. Бумага типографская
№ 1. Тираж 3000 экз. Заказ № 1524. Цена 1 руб.
Березовское литературное объединение «Мой
город». Березовский, Кемеровской обл., ул. Ми-
ра, 38. Березовская городская типография
Кемеровского полиграфкомбината. Березов-
ский, Мира, 38.

